

УДК 314.112

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Е.В. Плоских, Ш.Х. Кудайкулова

Рассмотрены четыре последовательных этапа в демографической истории человека, касающихся перехода от высоких уровней рождаемости и смертности к низким.

Ключевые слова: воспроизводство населения; уровень смертности; уровень рождаемости; семья; репродуктивное поведение.

PECULIARITIES OF CLASSICAL DEMOGRAPHIC TRANSITION THEORY

E. V. Ploskikh, Sh. Kh. Kudaykulova

The article is devoted to four successive steps in demographic history concerning the transition from high to low birth and death rate.

Key words: reproduction of population; death rate; birth rate; family; reproductive behavior.

Демографический переход – это смена типов воспроизводства населения, исторический процесс перехода от экстенсивного типа воспроизводства населения с высокими уровнями смертности и рождаемости к интенсивному типу воспроизводства населения с низкими уровнями смертности и рождаемости. Демографический переход рассматривает население как систему, а не как сумму населения страны мира. Система – это взаимосвязь, взаимозависимость. В основе демографического перехода лежит выявленная закономерность: смены типов воспроизводства населения со сменой этапов общественного воспроизводства – от присваивающего к аграрному, от последнего – к индустриальному и далее к постиндустриальному. Теория демографического перехода разрабатывается различными авторами уже на протяжении трех веков. Ее истоки уходят к началу 1800-х гг., когда сначала произошло снижение смертности, а затем и рождаемости в странах Западной Европы (в частности, во Франции). Эти процессы заставили ученых задуматься над вопросами о том, что же люди вообще знают о собственном развитии и к чему могут привести намечившиеся изменения в естественном воспроизводстве населения.

До начала демографического перехода воспроизводство населения характеризуется высокими

ми уровнями смертности и рождаемости. Рождаемость едва превышает смертность, естественный прирост очень низкий или отсутствует, в отдельные исторические периоды мог быть и отрицательным. Такой тип воспроизводства населения, называемый *примитивным* (ввиду очень слабого влияния со стороны общества на уровень смертности), или экстенсивным, который существовал большую часть истории человечества (в Европе до середины XVIII–конца XVIII в., во многих развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки – до недавнего времени). Высокая смертность была следствием условий жизни большинства населения, слабого развития медицины и здравоохранения, низкой санитарной культуры. Чтобы выжить, общества вырабатывали в течение тысячелетий социальные нормы, поощрявшие максимально высокую рождаемость. Эти нормы действовали прямо и косвенно в форме законов, религиозных предписаний, народных обычаев и традиций¹.

В концепции демографического перехода выделяются четыре последовательных этапа в демографической истории человека.

На первом этапе уровень рождаемости в какое-то время остается таким же, как до начала

¹ *Борисов В.А.* Демография / В.А. Борисов. М.: NOTABENE, 1999, 2001. С. 185.

перехода. Обычаи и традиции обладают большой инерционностью, изменяются медленно, в том числе и те из них, которые регулируют семейную жизнь и рождаемость. С улучшением условий жизни большинства населения происходит снижение уровня смертности.

Второй этап демографического перехода характеризуется снижением смертности и традиционно высокой (как в фазе до начала перехода) или возрастающей рождаемостью.

Третий этап перехода характеризуется снижением уровня рождаемости, в то время как снижение уровня смертности замедляется по мере приближения к нулевой отметке (которой она никогда не сможет достичь). Соответственно сокращается и естественный прирост, приближаясь к нулевой отметке (которую, в отличие от смертности, он может достичь и даже пересечь).

Наконец, **четвертый (постпереходный) этап** характеризуется стабилизацией рождаемости и смертности на низком уровне, близком или равном друг другу, то есть рост населения прекращается.

В настоящее время развивающиеся страны находятся на 2–3 этапах, развитые вышли на 4-й этап, при этом во многих из них смертность превысила рождаемость и наблюдаются отрицательные показатели естественного прироста населения.

Переход от высоких уровней рождаемости и смертности к низким и получил название демографического перехода. Согласно такой периодизации экономически развитые страны уже завершили демографический переход, а развивающиеся заканчивают второй и вступают в третий этап, то есть выходят из состояния демографического взрыва приближаются к завершению демографического перехода.

В период с 1830 по 1890 гг. многие демографические исследования были посвящены попыткам дать объяснение феномену снижения рождаемости. Особенно это характерно для работ французских ученых, поскольку устойчивое снижение рождаемости наблюдается во Франции с 1830 г. Например, А. Дюмонт (A. Dumont) полагал, что возникновение этого феномена связано с отказом индивида “работать” на потребности общества и началом преобладания индивидуалистических потребностей над коллективными (Dumont 1890: 130). Другой французский ученый Леруа-Болье (P. Leroy-Beaulieu) считал, что основная причина снижения рождаемости кроется в изменении норм морали и традиций, которые присущи каждому конкретному индивиду (Leroy-Beaulieu 1896: 614). Однако в классическом варианте теории демографического перехода моральные факторы не нашли отражения, что позволило отдельным ученым, на-

пример, М.А. Клушту, считать это одним из недостатков данной теории¹.

Несмотря на различные точки зрения, оба этих автора (Дюмонт и Леруа-Болье) заложили, по сути, одну из идей концепции второго демографического перехода, а именно: переход от буржуазной к индивидуалистической модели семьи.

В свою очередь, российский демограф В.А. Борисов приходит к выводу о том, что идеи демографической революции были впервые высказаны не демографом, а швейцарским криминологом Л. Рабиновичем в книге “Проблема населения во Франции: Очерк социологии населения” (Париж, 1929). Именно он первым использовал понятие демографического перехода и предложил оригинальную концепцию анализа демографической эволюции. Исходя из тезиса К. Маркса о том, что каждому способу производства присущи свои особенные законы населения, Л. Рабинович на большом историческом материале проанализировал последовательность смены типов воспроизводства населения следом за сменой способов производства².

Однако возникновение самой концепции демографического перехода относится к началу XX в., когда в 1934 г. вышла в свет классическая работа французского демографа А. Ландри (A. Landry) “Демографическая революция”, в которой он развивал теорию, основную роль в которой играет рационализация поведения индивида в области принятия решений относительно процесса рождаемости (Landry 1982: 186). Именно в этой работе появилась первая трехстадийная модель демографического перехода.

Одним из ученых Принстонского университета, К. Дэвисом (K. Davis) была опубликована статья, в заголовке которой впервые использован термин “демографический переход” (Davis, 1945). Однако автором классической теории демографического перехода в ее наиболее полном и законченном виде считают американского демографа Ф. Ноутстайна (F. W. Notestein). При помощи разработанной им теории он попытался объяснить наблюдаемый рост населения Европы (Notestein, 1983: 345–360). В 1946 г., выступая с речью, Ноутстайн отстаивал точку зрения, что теория, которую

¹ *Ионцев В., Прохорова Ю.* Глобальные перспективы международной миграции и брачности. Возможен ли четвертый демографический переход? // Международные миграции населения: вызовы глобализации / В. Ионцев, Ю. Прохорова; гл. ред. серии В.А. Ионцев. М.: ТЕИС, 2011. С. 6–20.

² *Борисов В.А.* Демография / В.А. Борисов. М.: NOTABENE, 1999, 2001. С. 187.

он разработал, имеет универсальный характер и применима для всех стран. Примерно с 1965 г. новые демографические процессы, происходящие в Европе (падение уровня рождаемости ниже уровня простого воспроизводства, сознательный отказ от родительства в пользу саморазвития, снижение роли и ценности семьи и детей в обществе), заставили научное сообщество задуматься, а столь ли универсальна теория демографического перехода? Ответ был отрицательным, особенно если учесть тот факт, что миграция была исключена из рассмотрения в работах вышеупомянутых авторов.

На практике демографические данные свидетельствуют, что истинная опасность заключается в сокращении мирового населения в целом. Для того чтобы прояснить ситуацию, необходимо понять *причины* снижения рождаемости. Демографы, экономисты и социологи, активно обсуждая этот вопрос, дали свежие объяснения. Анализируя их, *важно отличать опыт индустриального Запада от опыта стран развивающегося мира. Кроме того, необходимо распознавать два разных “демографических перехода”, одновременно происходящих в современном мире.*

“Первый переход” в рождаемости начался в Западной Европе, Северной Америке, в Австралии и Новой Зеландии во второй половине XX в. и завершился в 1930-х гг., когда рождаемость снизилась с 7,0 до 2,0 детей. Стандартное объяснение этой перемены было таким: родители следовали идеалам некой “рациональной современности”. В условиях индустриального общества они стремились помочь своим детям подняться выше по социальной лестнице, достичь успеха, полагая, что уменьшение размера семьи содействует этой цели. Ребенок как бы ставился в положение “принца”, но родители чувствовали, что “много принцев” семье не выдержать и потому необходимо ограничивать рождаемость¹.

С начала 1960-х гг. актуальным стало более сложное экономическое объяснение репродуктивного поведения. Г. Беккер из Чикагского университета нашел причину снижения рождаемости в балансе экономических издержек и выгод, связанных с рождением ребенка, полагая, что всем семьям во все времена были известны контрацептивные методы, применявшиеся на практике, если это отвечало семейным интересам. В доиндустриальный период натурального производства и высокой общей и детской смертности выбор

семьи в пользу многодетности представляется рациональным. Однако, когда начался первый демографический переход и вслед за смертностью рождаемость стала также понижаться, душевой доход увеличился. Беккер отнес это на счет увеличения “цены (стоимости) ребенка”, определяемой стоимостью времени, затраченного родителями, обычно матерями, на заботу о детях. Поскольку младенческая смертность снизилась, родители изменили свою стратегию “с количества детей на их качество”. При уменьшении числа детей удается инвестировать в каждого ребенка больше *человеческого капитала*. Другими словами, это повысило уровень альтруизма, выпадавшего на душу каждого ребенка. Беккер подчеркнул, что первый демографический переход был не просто результатом модернизации – рост населения помог становлению современной экономики за счет большего инвестирования в человеческий капитал. При другом ракурсе рассмотрения выясняется, что рыночная экономика сопровождается спадом рождаемости. Модель “экономически рациональных” родителей не объясняет реальных исторических перемен.

Австралийский демограф Джон Колдуэлл относился к тем исследователям, которые начали догадываться, что *идеи, ценности* в большей степени, чем экономические стимулы, определяли падение рождаемости². Колдуэлл разделяет мнение представителей Чикагской школы о том, что произошел решающий поворот от семейной экономики крестьянских ферм, где дети в перспективе воспринимаются как экономические блага, к капиталистической форме производства, где дети становятся экономической обузой. В “семейной экономике” нет смысла ограничивать рождаемость: старики живут на заработки молодежи, которая обеспечивает себе статус и благополучие в будущем посредством многодетности. Даже после взлета индустриального капитализма семейная пирамида связей, чтимая во все века и с готовностью освящаемая религией, продолжает существовать. “Система семейной морали”, согласно Колдуэллу, фактически служит “тормозом” для экономических побуждений к социальным изменениям. В самом деле, “эта мораль (и сопутствующая ей высокая рождаемость) могут долго существовать в рамках разросшегося капиталистического рынка труда, благодаря поддержке религии и личных установок”. Западный мир обладал такой “семейной моралью” до 1900 г., что и

¹ *Aries Ph. Two Successive Motivations for the Declining Birth Rate in the West // Population and Development Review / Ph. Aries. Ch., 1980. Vol. 6. P. 645–647.*

² *Карлсон А. Общество – семья – личность: Социальный кризис Америки / А. Карлсон; пер. с англ.; под ред. проф. А.И. Антонова. М., 2003. С. 224.*

позволяло семейной и рыночной экономике находиться в равновесии¹.

Описывая систему смешанных способов производства, Колдуэлл характеризует ее как форму, основанную на четком разделении труда между мужем, работающим вне дома за плату, и женой с детьми, занятыми домашним трудом. Этот “двойной способ производства”, который можно назвать буржуазным и викторианским одновременно, поддерживал умеренно высокую рождаемость долго после того, как, по Беккеру, она должна была исчезнуть. И все-таки, в конце концов, эта система распалась. Колдуэлл приписывал это падение “захватывающему капиталистическому росту”, подавившему остатки домашнего производства, и частично – европейскому эгалитаризму – продукту Французской революции, открывшей путь к тендерному конструированию. Однако главным причиной считалось всеобщее государственное образование, настроившее новые поколения против семейной морали.

Государственные школы, появившиеся в конце XIX в., не только отвлекли ребенка от работы по дому, но и увеличили расходы, например, на одежду и обувь. Но важнее всего, что изменился фокус лояльности – с семьи он переместился на школу: “Школы стали готовить граждан из тех детей, чей горизонт был изначально очерчен семьей, но которым преподали урок безнравственности, показав, что теперь не семья стоит на первом месте”. Школы также “разрушили корпоративную идентичность семьи”, подрывая родительский авторитет, и снижая ценность детей для работающих вне дома отцов и матерей. Что было верно для Европы, в скором времени стало правильным для всего мира. Тем не менее Колдуэллу кажется невероятным, что высокая рождаемость продолжала поддерживаться даже после двух поколений прошедших государственное обучение².

Акцент на “государственном образовании” как “спусковом крючке” спада рождаемости в дальнейшем был подтвержден рядом данных. В США в XIX–XX вв. наблюдалась тесная корреляция между распространением школьного образования и падением рождаемости. Даже в сельских школах каждый дополнительный месяц годового школьного обучения в среднем оборачивался снижением рождаемости на 0,23 ребенка: государ-

ственные школы буквально “пожирали” детей³. Демографы Дж. Клеленд и К. Уилсон убедительно доказали, что эти корреляции отражают скорее перемены в “мировоззрении, идеях и притязаниях”, нежели в микроэкономике семьи. Самые последние из демографических исследований свидетельствуют о том, что религия является *главным* и, возможно, *самым главным* фактором упадка рождаемости, особенно если в религии прямо выражены предпочтения контролю рождаемости⁴. Отсюда, экономический сдвиг (а именно, поворот от семейного к промышленному производству) – мощный дополнительный стимул к снижению рождаемости. Это обстоятельство не является ни достаточным, ни необходимым для объяснения первого демографического перехода⁵. Влияние религии на убеждения людей в отношении рождаемости признается *решающей, необходимой и достаточной* переменной: *только изменение в этой сфере может привести к упадку рождаемости*.

Резюмируя сказанное выше, бельгийский демограф Рон Лестейг полагает, что “секуляризация или уменьшение приверженности к религии” является “наиболее значимым фактором, определяющим начало падения рождаемости”⁶. Если бы не произошло секуляризации, решения, связанные с рождаемостью, остались бы “неприкосновенными”, независимо от экономической ситуации. Он предполагает, что до 1850 г. рождаемость в Европе была “естественной” и высокой потому, что практически все европейцы были активными христианами; они отказывались использовать методы ограничения рождаемости не по невежеству и не в расчете на возможные экономические выгоды, а из послушания христианскому учению.

Французская революция положила начало всестороннему противодействию христианской системе семьи, провозгласив индивидуализм, материализм и радикальный эгалитаризм. Спустя столетия протестанты вступили на путь секуляризации, оставив контроль рождаемости на усмотрение ин-

³ Guest A.M., Tolnay St.E. Children’s Roles and Fertility: Late Nineteenth Century United States // Social Science History / A.M. Guest, St.E. Tolnay. N.-Y., 1983. Vol. 7. P. 355–380.

⁴ Clealand J., Wilson C. Op. cit. P. 22–24.

⁵ Coale A.J., Cotts S.W. The Decline of Fertility in Europe: The Revised Proceedings of a Conference on the Princeton European Fertility Project / A.J. Coale, S.W. Cotts. Princeton, 1986. P. 290.

⁶ Lesthaeghe R. The Decline of Belgian Fertility, 1800–1970 / R. Lesthaeghe. Princeton, 1977. P. 230.

¹ Карлсон А. Общество – семья – личность: Социальный кризис Америки / А. Карлсон; пер. с англ.; под ред. проф. А.И. Антонова. М., 2003. С. 225.

² Caldwell J.C. Theory of Fertility Decline / J.C. Caldwell. L.; N.-Y., 1982. P. 158–163, 168–172, 175–176, 302, 305, 311, 324.

дивида. И лишь католическая церковь ожесточенно сопротивлялась секуляризации XIX–XX вв.¹

По всем признакам первый демографический переход в Европе от высокой рождаемости и многодетности к умеренной и низкой рождаемости был связан с поражением, которое потерпела религия. Светские идеи индивидуализма, рациональ-

¹ Карлсон А. Общество – семья – личность: Социальный кризис Америки / А. Карлсон; пер. с англ.; под ред. проф. А.И. Антонова М., 2003. С. 226.

ного расчета, экономической выгоды и материализма в большинстве случаев “одержали верх” над христианским послушанием библейской заповеди “плодитесь и размножайтесь”. Новые ценности также вытеснили определенное уважение к представлению о роли Бога в сотворении новой человеческой жизни. Другими словами, неопровержимые доказательства позволяют прийти к выводу, что падение рождаемости в пределах “первого демографического перехода” стало результатом отступления от религии в масштабах всего общества.